

По следам юбилея М.Г. Ярошевского

Михаил Ярошевский

ЧЕЛОВЕК НАУКИ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ФИГУРА*

(Продолжение. Начало см. № 1'2016)

Категориальный
аппарат научного
познания

1.4. Категориальный аппарат психологии

Мы рассмотрели в исторической перспективе объяснительные принципы научного познания. Между тем эти принципы служат организаторами и регуляторами исследовательской деятельности не только в области психологии, но и в других науках. Нам же необходимо определить специфику именно этой предметной области.

Предмет психологии

Вопрос о *предмете психологии* издавна служит темой дискуссий, отражающих различные теоретические ориентации. Сказать, что предметом психологии является психика, значит никак ее не определить, поскольку в этой дефиниции не содержится ничего, кроме того, что дано уже самим термином, иначе говоря, подобное «определение» – не более чем тавтология. Ведь само слово «психология» означает знание о психике (по-древнегречески – «псюхэ»).

Как понимать
психику – в истории
просматриваются
существенные
расхождения
взглядов

Весь вопрос в том, как понимать психику, или, иначе говоря, какие признаки с этим термином соединять. Уже в Древней Греции воззрения на «псюхэ» столь существенно расходились, что трудно понять: об одной ли и той же сфере явлений спорили великие

* Ярошевский М.Г. Человек науки как историческая фигура // Историческая психология науки. – СПб., 1995. – С. 9–102.

философы тех времен. В конце концов в западной мысли «псюхе» обернулась представлением о душе как обитающей в грешном теле имматериальной сущности. При этом не только человеческое тело считалось ее временным «субстратом». В душе не отказывали и другим живым существам.

Со времен Декарта взамен понятия о душе утверждается понятие о сознании

Впервые в XVI веке (за век до того, как Декарт освободил материальное тело от управления душой) испанский врач Перейра назвал животных простыми автоматами. Принято считать, что со времен Декарта взамен понятия о душе утверждалось понятие о сознании. Это не совсем точно.

Во-первых, Декарт разделил «страсти души» (то есть ее страдательные состояния, которые зависят не от нее, а от тела, воспринимающего другие тела), и «мысли» (активные состояния души, исходящие от мыслящего субъекта).

Во-вторых, в ту же эпоху возникло представление о бессознательной психике (Лейбниц). Тем не менее действительно к периоду, когда стало общепризнанным, что психология является самостоятельной наукой, ее предметом в том научном сообществе, которое приступило к экспериментальной разработке этой области явлений, считалось сознание. Испытуемым являлся субъект, способный с помощью приборов и натренированной интроспекции представить самоотчет о том, что он ощущает, чувствует, мыслит и т.д. Правда, и в те времена трактовка психологии как науки о сознании, о его процессах (Вундт) или актах (Брентано) не была единственной версией. Предпринимались попытки (Спенсер, Сеченов, Д. Раш) более широкой интерпретации этой предметной области, включения в нее явлений, не редуцируемых интроспективно к данному субъекту и непосредственно им испытываемых.

Новые версии: психоанализ и бихевиоризм

Все же эта версия доминировала, пока не была подорвана в начале XX столетия двумя мощными течениями: психоанализом (с его учением о бессознательной психике) и бихевиоризмом (который объявил предметом психологии поведение как систему реакций организма на стимулы).

Такова была ситуация в мировой науке.

Идеология марксизма и предмет психологии

В Советском Союзе под воздействием идеологии марксизма в тех случаях, когда требовалось определить предмет психологии, его обозначали либо всё тем же словом *психика*, либо выделяли в качестве такового *деятельность* (Басов, Рубинштейн, Леонтьев), правда, трактуя эту форму (признанную правомерно марксист-

Психика – это функция мозга и отражение внешнего мира

ской) различно. В одних случаях относили к ведению психологии всю «морфологию» деятельности (ее строение), а в других – считали, что к психологии относится только психологический аспект этой деятельности.

Было очевидно, что апелляция к «психологическому аспекту» вновь возвращает к не разъясненному термину «психика». Впрочем, этот термин неизменно «разъяснялся» путем присоединения к нему двух признаков. Указывалось, что психика – это «функция мозга» и «отражение внешнего мира». Оба признака отсылали либо к философии (ленинская теория отражения), либо к физиологии (функция мозга).

Какую предметную область разрабатывает сообщество психологов

Очевидно, что ни одна из многих дефиниций так и не разъясняла, какую же предметную область разрабатывает сообщество психологов, чем она отличается от других. Но очевидно и другое: все пробы определить психику отражали теоретические взгляды, расхождение между которыми в нашей стране диктовалось идеологическими соображениями. Однако безотносительно к рефлексии об области, на которой сосредоточилась исследовательская работа, сама эта работа с большим или меньшим успехом продолжалась.

Она имела дело с объектами и проблемами, считавшимися причастными психологии. Их диапазон был столь широк, что зачастую оставалось неясным: что же объединяет этих людей, считающихся психологами (как представителями конкретной науки)?

Обращение к историческому опыту

Нет иного пути к продуктивному обсуждению этого вопроса, кроме обращения к историческому опыту. На протяжении веков сменяли друг друга представления о явлениях, которые поныне, при всех наших теоретических разногласиях, мы неколебимо отличаем от других явлений бытия и готовы назвать психическими. Каковы же неявные, по существу интуитивно принимаемые, основания уверенности в этом? Решение, я полагаю, возможно лишь при одном условии: если будут разграничены теоретические и категориальные аспекты в работе научной мысли.

За теоретической рефлексией скрыта деятельность категориального аппарата науки

За теоретической рефлексией скрыта деятельность категориального аппарата науки. Эта рефлексия порождает различные варианты анализа и объяснения исследуемых явлений. Один вариант сменяет другой. Между ними на научном форуме постоянно происходят столкновения различной степени продуктивности. Порой они образуют в сообществе центры притяжения различных научных сил. Мода на одни концепции сменяется другими. Теории возвышаются и гибнут. Очевидно, что при

Инфраструктура психических явлений

всех этих контроверзах сохраняется безразличная к ним, живущая на собственных основаниях и собственной жизнью психическая реальность, подобно тому как *законы природы продолжают действовать безотносительно к степени и характеру их познанности*.

Исторический опыт учит, что сохраняется не только отображаемая в различных сменяющих друг друга теоретических конструкциях реальность психических явлений. От века к веку складывается инфраструктура всех этих теоретических конструкций, скрытая за ними, направляющая исследовательский поиск отдельных деятелей и их групп, но вовсе не разрушающаяся, когда одни сходят с исторической сцены, уступая место другим, способным к новым исканиям и построению своих гипотез, теорий, фактов. Ведь эти *другие* могут продвигаться в дебри непознанного только потому, что, в свою очередь, как и их предшественники, опираются на ту же инфраструктуру. Ее образуют объяснительные принципы и категории, обозначенные нами как категориальный аппарат научного познания. Обращение к нему и открывает тайну предмета психологии, который, как и сама объективная психическая форма жизни, сохраняется при смене и конфронтации любых теоретических проекций этого предмета, претендующих на объяснение своеобразия этой формы закономерностей ее развития.

Предмет психологии дан в системе ее категорий

Коротко обозначая сказанное, можно провизорно констатировать, что *предмет психологии дан в системе ее категорий*. Естественно, что это утверждение немедленно требует разъяснений, касающихся категориального аппарата психологии.

Наука имеет свой «органон»...

Подобно языку, наука имеет свой тончайше устроенный аппарат, свой «органон»*, в формах которого постигается содержание исследуемой действительности.

Система этих форм, не извне прилагаемых к содержанию, а изнутри его организующих, образует категориальный аппарат. Согласно философской традиции, под категориями имеются в виду наиболее общие, предельные понятия (такие, например, как количество, качество, форма, содержание и т.п.). Они действительны для любых проявлений умственной активности, к каким бы объектам она ни устремлялась.

Психическая реальность как предмет научных знаний

Когда же объектом этой активности становится отдельный фрагмент бытия (в нашем случае – психическая реальность), аппарат философских категорий, продолжая определять движение исследовательской

* *Органон* (греч. organon) – орудие, инструмент, орган.

мысли, недостаточен, чтобы освоить данный конкретный фрагмент, превратить его в предмет научного знания. Этот предмет выстраивается благодаря функционированию системы специально-научных категорий. Именно она, развиваясь исторически, позволяет осмыслить изучаемое явление не только глобально (под категориями количества и качества, возможности и действительности и т.п.), но также в его специфических характеристиках, отличающих определенную область знания от всех остальных.

В теоретическом «знаниевом» плане эта область представлена в совокупности закрепленных в терминах взаимосвязанных понятий, признаки которых указывают на признанное наукой существенным для данного разряда явлений (например, в психологии выделяются признаки, по которым мышление отграничивается от восприятия, эмоциональные процессы – от волевых, ценностные ориентации личности – от ее способностей и т.д.). В словаре терминов и в многообразии их сочетаний перед нами простирается освоенное наукой «знаниевое» поле – в его основных разграничительных линиях, компонентах и связях между ними.

Термины могут приобретать различную степень обобщенности

Термины могут приобретать различную степень обобщенности и указывать как на обширные группы явлений (например, память), так и на специальные феномены (например, узнавание). Во всех этих случаях мы остаемся в пределах науки как знания, какой бы степени обобщенности ни достигали наши понятия и теоретические схемы. Поэтому недостаточно указать на то, что категориям присуща наивысшая степень обобщенности, чтобы перейти к анализу науки как деятельности. Категории являются предельными понятиями, не выводимыми из других и не сводимыми к другим. Из этого, однако, не следует, что отношение категорий к другим понятиям сходно с отношением между общими и частными понятиями, каким оно выступает благодаря формально-логической процедуре включения в класс. В этом случае категории выступали бы только в качестве предельно общих разрядов знания, тогда как их предназначение – быть организаторами производства знания.

Изменение состава знаний и его форм определяет развитие науки

Развитие науки – это изменение и состава знания, и его форм, от которых он неотчленим. Они и образуют систему категорий – «сетку». Ее невозможно отслоить от аппарата научного познания. В преобразованиях, которые он испытывает в процессе роста знания, наиболее устойчивыми являются именно эти «сетки». Они определяют зону и направленность видения эмпирически дан-

«Знаниевый»
и деятельностный
планы науки
неслиянны

Феномен
непрерывно
изменяющегося
состава знаний

Никогда ни один
исследователь не
ставил перед собой
цель разработать
такую-то категорию

Изучение роли
установки показало
зависимость образа
от психической
преднастройки

ного и образуют каркас программ по его исследованию с целью теоретического освоения.

Сколь нераздельны бы ни были «знаниевый» и деятельностный планы науки, они неслиянны.

В категориях представлен деятельностный план. Они – рабочие принципы мысли, ее содержательные формы, организующие процесс исследования.

В категориях представлено единство инвариантного и вариативного в динамике познания. Они содержательны (поскольку в них сконцентрировано содержательное, предметное знание об определенных фрагментах познанного мира, в нашем случае – психосферы) и в то же время формальны в смысле относительной независимости от непрерывно изменяющегося состава знаний. Очевидно, что чем более длительный, более насыщенный содержанием исторический период становится объектом познания, тем явственнее выступает *устойчивое, типичное, закономерное* для процесса в целом, а не только для его преходящих фаз и ступеней.

Подобно языковым формам, категории науки актуализируются и живут, пока применяются с целью получить ответ на вопрос (типа описания – «что это такое?», объяснения – «почему?», «каким образом?», «для чего?», предсказания). Употребляя язык с его открытыми или скрытыми вопросно-ответными формами, его носители-творцы, подыскивая нужный речевой оборот, никогда не задумываются над задачей преобразования этих форм, хотя (объективно, неосознанно) непрерывно решают именно такую задачу. Никогда ни один исследователь не ставит перед собой цель – разработать или развить такую-то категорию (например, психического образа или психического действия). Перед ним возникают только специальные научные проблемы: выяснить, например, какова зависимость восприятий человека от характера раздражителей или отсутствия раздражителей в условиях сенсорной депривации, от нервного субстрата (например, правого или левого полушария), от стресса, установки и т.д.

Решая эти задачи, исследователь оперирует категорией образа. Полученный им результат, в свою очередь, может произвести в этой категории сдвиг. Изучение, например, зависимости зрительной перцепции от мышечных ощущений произвело сдвиг в категории образа, раскрыв факторы (детерминанты), определяющие «проецированность» образа вовне, объяснив механизм, под действием которого субъект локализует восприятие не в нервном устройстве, где оно возникает, а

Вооруженный категориальным аппаратом исследователь опирается на исторический опыт предшественников

во внешнем предметном мире. Изучение роли установки показало зависимость образа от психической преднастройки. Изучение различий в функциях правого и левого полушарий позволило конкретизировать в общей картине познания внешних объектов характер отношений между сенсорным образом и умственным.

В сознании исследователя решаемая им проблема выступает в качестве локальной, конкретной, непосредственно предметной, апостериорной, требующей эмпирического изучения. Он имеет дело с объектами, доступными экспериментальному воздействию и наблюдению. Он фиксирует реакции нервного субстрата, сенсорные, двигательные или вербальные реакции своих испытуемых и т.д. Из этой эмпирической «руды» он извлекает материал для решения активирующей его ум исследовательской задачи. Но этот ум способен действовать только потому, что он вооружен категориальным аппаратом, который, в отличие от решаемой специальной, частной проблемы, не локализован, а глобален, не апостериорен, а априорен. Он априорен не в кантовском смысле как изначально присущая интеллекту форма. О его априорности можно говорить в том смысле, что для отдельных умов он выступает в качестве структуры, которая из их личного опыта неизвлекаема, хотя без нее этот опыт невозможен. Но, как мы уже знаем, за этой структурой стоит исторический опыт многих предшествующих поколений исследователей, весь филогенез научного познания.

Системная связь многих категорий определяет их функционирование

«Орудийный» характер категории не может быть раскрыт, если рассматривать ее изолированно, «в себе», безотносительно к системе других категорий, принципов и проблем. Невозможно мыслить психическую реальность под одной категорией (например, образа или действия).

Реальность дана познающему уму сквозь целостность категориального аппарата

Реальность дана познающему уму только сквозь целостный «хрусталик» категориального аппарата. Поскольку, однако, этот «хрусталик» представляет собой развивающийся орган, от характера его «преломляющих сред» зависит восприятие мира психических явлений, ориентация и работа в нем. Хотя ни один из компонентов категориального аппарата не способен функционировать независимо от других, в деятельности отдельного конкретного исследователя может возникнуть (в силу своеобразия онтогенеза творчества ученого и специфики разрабатываемой проблемы) обостренная чувствительность к определенным аспектам психической реальности. Сосредоточенность на этих

аспектах ведет к тому, что с наибольшей энергией актуализируется один из компонентов (блоков) категориального аппарата. Это влечет за собой, в случае успешного продвижения в предмете, более интенсивное развитие именно данного блока, приобретающего в результате новое содержание.

Уровень функционирования других блоков может при этом оставаться прежним. Но из того, что он не претерпевает существенных изменений, отнюдь не следует, будто другие категории, сопряженные со ставшей в структуре данной концепции сверхценной, отпадают и не имеют сколько-нибудь существенного значения для ее своеобразия и дальнейшего развития.

В психологии
обсуждаемого
периода уже
сформировался
научно-
категориальный
аппарат

Обращаясь к психологии того периода, когда научно-категориальный аппарат уже сформировался, можно заметить, что структурирование различных блоков этого аппарата происходило весьма неравномерно. Так, категория мотива получила гипертрофированное развитие в учении Фрейда. Вокруг нее центрировались все основные теоретические конструкции этого учения, отбирались эмпирические феномены (касающиеся неосознаваемой аффективной сферы личности, психического развития, процессов творчества), но обозначает ли это, что в категориальном «профиле» мышления Фрейда и его последователей не было представлено ничего, кроме категории мотивации? Отнюдь нет. Мыслить психическое под одной категорией, как уже отмечалось, в принципе невозможно, так же как, например, мыслить (если взять уровень философских категорий) категорию движения отрешенно от категорий пространства и времени. Конечно, в целях философского анализа рефлексующий ум вправе выбрать в качестве отдельной от других проблему времени или проблему пространства и подвергнуть ее специальному, углубленному разбору. Но в реальной работе исследователя пространственно-временных объектов эти объекты постигаются не иначе как посредством всей системы категорий в качестве особой органичной целостности.

Интегральность
присуща как
философским, так
и конкретно-
научным категориям

Интегральность* этой системы присуща не только философским, но и конкретно-научным категориям. И в этом случае мысль оперирует целостным категориальным аппаратом, выпадение любого из блоков которого делает невозможным его функционирование — иначе говоря, научное исследование. Другой вопрос, каково качество различных блоков, насколько адекват-

* *Интегральный* — неразрывно связанный, цельный, единый.

но в них преломляется и посредством них изучается реальность. Из того, например, факта, что в теории Фрейда на первый план выступили мотивационные детерминанты поведения как неосознаваемые регуляторы психодинамики, отнюдь не следует, будто в изображенной в этой теории картине психической реальности в целом не было никаких иных категориальных характеристик. В этой картине были представлены и не могли не быть представлены другие категориальные регулятивы психологического познания. Она предполагала поэтому определенную категориальную интерпретацию не только мотива, но также и образа (чувственного и умственного), процесса общения между людьми (категория отношения), движений и речевых актов (категория действия).

Последующие теории сформулировали новые проблемы

Дело только в том, что, если применительно к категории мотива (а затем личности) фрейдизм выдвинул новые проблемы и подходы, то образ, общение, действие в качестве интегральных компонентов категориального аппарата психологии обогатились в процессе развития этого направления существенно новым содержанием лишь в той степени, в какой они зависят от категории мотивации, развитие которой составило важное достижение психоанализа.

Прежде все изучаемое психологией локализовалось в сознании субъекта

В добихевиористских концепциях (кроме сеченовской) телесное действие считалось внепсихологическим феноменом. Все изучаемое психологией локализовалось в пределах сознания субъекта. Соответственно, в тех случаях, когда в исследованиях давала о себе знать категория действия, ее роль исчерпывалась внутренней активностью субъекта. Выход за эти пределы коренным образом изменил общее воззрение на психику и ее познание.

Распад психологии на школы ознаменовал кризис

Проявлением этого стала новая ситуация в психологии, оцененная как кризисная. Кризис усматривался в распаде психологии на школы, каждая из которых отстаивала свою трактовку предмета и методов этой науки. Так обстояло дело на теоретическом горизонте, где конфронтация школ (прежде всего психологии сознания и психологии поведения) достигла крайнего накала. Но за теоретическим всегда стоит категориальное. Появление новых концептуальных схем было симптомом не краха науки, а ее прогресса, обогащения ее категориального аппарата.

Трактат Л.С. Выготского об историческом смысле кризиса

Среди различных объяснений кризиса выделяется предложенное Л.С. Выготским, написавшим специальный трактат об историческом смысле кризиса. Этот смысл он усматривает в том, что «созрела потребность в

общей психологии»*, тогда как различные отрасли (зоопсихология – сюда он относил учение об условных рефлексах, патопсихология – Фрейд, изучение формы – гештальт-психология, изучение индивидуальных различий – Штерн) возводят отдельные частные факты в ранг понятий, охватывающих всю сферу психического. В объяснении Выготского вызывают возражения, по крайней мере, два пункта. По его мнению, теоретические конструкции, возведенные различными отраслями психологии, «родились из частных открытий»**.

Например, понятие условного рефлекса – из «психического слюноотделения» у собаки, понятие бессознательного – из клиники сексуальных неврозов и т.п. Затем этим открытиям было придано значение глобальных объяснительных принципов. Между тем принимаемое за частное открытие вовсе не являлось – вопреки Выготскому – «чистым» эмпирическим фактом, отправляясь от которого была выстроена концепция, распространенная на всю область психического (и даже на весь мир).

Результат категориального синтеза

Принимаемое за факт в действительности представляло собой результат категориального синтеза (предполагающего определенное понимание принципов детерминизма, системности, развития, исходя из которых преобразовалась имеющая длительную историю категория рефлекса). По мнению Выготского, условный рефлекс, сексуальность и другие феномены универсализуются в силу назревшей потребности в создании общей психологии потребности, которую пока что никто удовлетворить не может.

Суть психологических фактов

Решение Выготского (если судить по его незаконченной рукописи) сводится к тому, что взамен этих понятий, предлагаемых отдельными отраслями, следует утвердить другое, более общее, на роль которого он предлагал понятие о реакции. В нем ему виделся ключ ко всей области психологии, позволяющий ответить на вопрос: «Что же наиболее общего у всех явлений, изучаемых психологией, что делает психологическими фактами самые разнообразные явления – от выделения слюны у собаки и до наслаждения трагедией, что есть общего в бреде сумасшедшего и строжайших выкладках математика»***.

* *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. – М., 1982. – С. 296.

** Там же. С. 306.

*** Там же. С. 298.

Введение термина
«переживание»

В конце своего рано оборвавшегося творческого пути Выготский нашел новую «клеточку», обозначенную им термином «переживание». Но мне представляется ошибочным сведение всего многомерного категориального аппарата психологии к единственной «клеточке», образующей ткань психической жизни.

Кризис в психологии
возник из-за
придания
значимости разным
категориям в разных
направлениях науки

В одной из работ* было показано, что кризис в психологии в начале XX столетия разразился потому, что в различных школах и научных направлениях неудовлетворенность теоретической ситуацией (созданной прежним уровнем разработки категориального аппарата) привела к сосредоточению анализа на одном из его блоков.

Категории образов
и действий

Так, гештальтизм отличала преимущественная разработка категории образа, бихевиоризм же – категории действия. Это (как и в случае с фрейдизмом) вовсе не говорило о том, что в своих исследованиях сознания (гештальтизм) или поведения (бихевиористское направление) они ограничивались одной категорией. Это так же было бы невозможно, как если бы сосредоточившись на движении объекта, кто-либо попытался исключить из своего восприятия пространство, время, форму и другие неотъемлемые атрибуты общей картины движения, образуемой соответствующим категориальным аппаратом.

Равным образом и гештальтисты, изучая свои феномены, воспринимали их сквозь призму целостного категориального аппарата со всеми его блоками. Но лишь один блок (психический образ) был и им тщательно разработан, тогда как другие (действие, личность, отношение, мотив**) в их теоретическом мышлении, хотя и функционировали, однако, в системе тех признаков, которые были «засечены» до них независимо от них.

Сказанное относится и к бихевиористам. Они обогатили категорию действия, утвердив его в составе психологии в качестве внешней реальности (тогда как во всех прежних концепциях эта категория фигурировала только как внутренний психический акт). Но в редуцированной форме в классической бихевиористской схеме были представлены и образ (его низвели до роли стимула) и мотив (его низвели до подкрепления реакции), и отношение (когда стало изучаться взаимодействие живых существ (не говоря уже о социальном бихевиоризме Д. Мида).

* Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии. – 2-е изд. – М., 1974.

** Особым ответвлением в гештальт-психологии стала школа К. Левина, облик и авторитет которой обусловила разработка категории мотива.

Категория личности была сведена к организму

Революция в психологии благодаря акценту на категории действия

Категории следует рассматривать с точки зрения их предметного содержания

Одна из кардинальных загадок – ценность психических продуктов, порождаемых мозгом

Категория личности оказалась сведенной к организму, который правда из-за позитивистской методологии оказался «пустым» (наиболее радикально отстаивал такое понимание Скиннер).

Не обогатив другие звенья категориального аппарата редуцировав их, бихевиористы в то же время произвели настоящую революцию в психологии благодаря вкладу в категорию действия.

Переход из «знаниевого» плана анализа науки в деятельностный требует рассматривать категории не только с точки зрения их предметного содержания. Они действуют в мышлении лишь тогда, когда «обслуживают» проблемные ситуации.

Как известно, работе мысли присуща вопросно-ответная форма. Не видя за «таблицей категорий» проблем, мы бессильны понять ее смысл и содержание. В этом случае таблица выглядит как помещенный в конце учебника список решений неизвестных нам задач.

Содержание категории раскрывается лишь тогда, когда известны вопросы, в попытках решений которых она возникает, и в ней «отстаивается» все то, что обеспечивает продуктивную работу. При взгляде на развитие психологии можно было бы сказать, что перед взором исследователя науки выступают большие, глобальные проблемы – такие, как психофизиологическая (прежде ее было принято называть проблемой души и тела), то есть касающаяся отношений между двумя уровнями жизненных функций – чисто соматических и собственно психических, или другая не менее сложная проблема отношений психики к отображаемому внешним объектам. Ее можно было бы назвать психологической (от греч. «гнозис» – познание).

Вопрос о познавательной ценности тех психологических продуктов, которые порождаются мозгом, об их способности передавать достоверную информацию о мире – одна из кардинальных загадок, которые с древнейших времен изучались в контексте логико-философского анализа. С развитием психологии рассмотрение этих вопросов перешло в конкретно-научный, эмпирический план.

Проблема соответствия умственных продуктов их независимым от деятельности сознания объектам, равно как ценность сенсорного материала, служащего источником более сложных интеллектуальных форм, неизменно остается важнейшей для научной психологии, для ее конкретных разработок (а не только для философской рефлексии). Другая крупная проблема возни-

Практика
исследовательского
труда преобразует
возникающие
проблемы

кает в связи с необходимостью постичь отношение психики человека к ее социальным детерминантам (психосоциальная проблема).

Эти большие проблемы преобразуются в практике исследовательского труда в более частные и специальные, касающиеся конкретных форм детерминации отдельных разрядов психических явлений. Если использовать для иллюстрации зависимости движения конкретно-научной мысли от пересечения проблемных полей учение Сеченова о центральном торможении, то оно выступает обусловленным своеобразием таких категориальных проблем, как психофизиологическая, психогностическая, психосоциальная. В ракурсе психофизиологической проблемы оно предполагало открытие нейросубстрата тормозных влияний. Для психогностической проблемы оно имело значение механизма, объясняющего превращение реального внешнего действия в свернутое внутреннее, приобретающее характер мысли (последняя же, конечно, непременно предполагает познавательное отношение к своему объекту).

В контексте
психосоциальных
условий можно
рассматривать
волевою личность,
ориентирующуюся
на нравственные
нормы

В контексте психосоциальной проблемы открытие тормозных центров выступило как условие формирования волевой личности, решающим признаком поведения которой является неотвратимое следование нравственным нормам, социальная природа которых очевидна. Так глобальные проблемы психологии преобразовались в локальные, решаемые посредством блока категорий (в приведенном примере: *действие – образ – мотив*). Этот блок переходит из виртуального состояния в актуальное только тогда, когда субъект творчества оказывается в проблемной ситуации, с которой он способен справиться не иначе, как посредством категориального аппарата. Здесь наблюдается нечто подобное формам языка (его инвариантным грамматическим структурам), которые актуализируются только в ситуациях высказываний. Проходя через необозримое множество подобных ситуаций *язык становится историческим феноменом*. Его формы изменяются, перестраиваются, обогащаются.

Категории
становятся
инструментами,
позволяющими
понимать
психологические
объекты

Равным образом в процессе решения проблем происходят сдвиги в категориях психологического познания. Мы видим, что категории являются своего рода «инструментами», орудиями, позволяющими обрабатывать психологические объекты, извлекать из них новое содержание. В процессе обработки они сами трансформируются под давлением необходимости отразить свойства этих объектов под другим углом зрения, чем в прежний момент движения мысли.

Категории существуют в связи с теоретико-эмпирическим строением науки

Будучи представлены в теоретико-эмпирическом составе науки, категории не существуют независимо от него и не выступают в качестве объекта рефлексии учебного, поглощенного решением конкретной предметной задачи (разработкой концепции, охватывающей определенный круг явлений, ее экспериментальной проверкой, фиксацией результатов наблюдений и т.п.). Решая эту задачу, ученый формулирует ее на теоретическом языке.

Когда, например, Гартли говорил об ассоциации, Герbart – о динамике представлений, Гельмгольц – о бессознательных умозаключениях, Бен – о пробах и ошибках, Вундт – об апперцепции, Brentano – об интенциональном акте сознания, Джемс – об идеомоторном акте, Уотсон – о стимуле – реакции и т.д., то за всеми приведенными терминами стояли различные комплексы теоретических представлений.

За всеми комплексами категорий стояла теория психического действия

Но при всех расхождениях между исследователями за этими комплексами «работала» категория психического действия, отображающая один из неотъемлемых компонентов психической реальности. Уровень и степень адекватности отображения этой реальности были различны. Но это уже другой вопрос. Нас же здесь интересует инвариантное в составе знания, накопление некоторых неформализуемых признаков, которые при огромном разнообразии концепций входят в структуру коллективного научного разума. Если бы этой инварианты, добытой усилиями научного сообщества на протяжении многих поколений, не сложилось, мы оказались бы в царстве анархии. Один исследователь не мог бы понять другого. Не существовало бы точки, где их мысли соприкоснулись. Наука перестала бы быть «всеобщим трудом», как ее охарактеризовал К. Маркс. Нечего было бы передавать по эстафете. Достижения каждого пропадали бы с ним бесследно. Но исторический опыт говорит о другом.

В столкновении точек зрения в науке возникали продуктивные диалоги

При разногласии теорий, которая, быть может, нигде не принимала столь упорный характер, как в психологии, в этой науке возникали продуктивные диалоги, в столкновении точек зрения появлялись новые идеи, накапливалось позитивное знание, менялось общее представление о психической организации человека.

Это было бы невозможно, если бы автор одной теории не понимал другого, не мог бы, встав на его точку зрения, перевести его суждения, высказанные на языке чуждой ему теории, на собственный язык. Выходит, что, хотя они и говорили на разных языках, хотя

и придерживались различной интерпретации фактов, в их интеллектуальном устройстве имелись некоторые общие устойчивые точки. Ими и являлись компоненты категориального аппарата. Этот аппарат, подобно строю языка, анонимен. Мы называем поименно авторов теорий. Можно, например, перечислить – от Декарта до Павлова – авторов теорий рефлекса. Но к категории рефлекса не может быть «припечатано» ни одно имя, сколь велико бы оно ни было. Ибо нельзя идентифицировать категорию рефлекса с теми теоретическими моделями, в которые она из века в век воплощалась.

Инвариантность категориального аппарата обусловила его действительность в конкретный момент истории науки

Инвариантность категориального аппарата обуславливает его действительность для всего длительного периода освоения предметной области психологии применительно как к прошлому, так и к современности. Это позволяет современному психологу понять внутреннее родство своей мысли с мыслью прежних и грядущих эпох. И вместе с тем предостерегает его от соблазна сделать его совершенные представления эталоном оценки всего, что было и что будет. Каждая психологическая категория, подобно другим развивающимся формам, содержит в свернутом, «снятом» виде испытанное в «муках творчества» теми, кто в былые эпохи отважился на поиск истин о психическом мире.

Естественно, что и сегодня она находится в движении, преобразуясь с каждым новым прорывом в этот мир.

Революционные преобразования в науке

Революционные преобразования в науке совершаются не по типу «катастроф», в которых гибнут все прежние достижения, качественно различные уровни научного прогресса. Между эмпедокло-демокритовским взглядом на чувственные образы как эманацию материальных частиц, учением средневекового арабского естествоиспытателя Ибн аль-Хайсама, согласно которому ощущение возникает по законам движения светового луча (оптические эффекты света в глазу упорядочиваются благодаря способности суждения), ассоциативной трактовкой чувственного образа как продукта «психической химии», сеченовской концепцией бессознательных умозаключений – между всеми сменявшимися друг друга научными представлениями и современными взглядами на механизмы переработки сенсорной информации есть не только существенные различия, но и глубокое родство. Оно прослеживается на категориальном уровне, где за внешней пестротой всевозможных теоретических построений выступают стадии разработки одной и той же категории.

Научная психология
вынуждена
заимствовать
термины из других
смысловых
контекстов

Категориальный
подход позволяет
определить
своеобразие
изучаемой области
явлений

То, что на категориальном языке обозначается как образ*, в различных психологических концепциях выступает под именами: «ощущение», «восприятие», «значение», «представления», «идеи», «информация» и др. То, что в категориальном плане трактуется как «мотивация», охватывает феномены, которые выражаются через понятия «стремление», «влечение», «волевой импульс», «потребность», «инстинкт», «аффект» и др. С каждым из этих терминов соединяется как инвариантное (категориальное), так и вариативное содержание, что в равной мере относится и к конкретной психологической теории, гипотезе, методической установке, возникшей в определенную историческую эпоху. Чтобы расчлнить инвариантное и вариативное, нужен, как уже отмечалось, специальный категориальный анализ, подразумевающий особые методы и язык, на который должно быть переведено содержание той или иной теории с целью выявить ее функцию в общей логике развития науки.

Категориальный подход, то есть анализ развития познания с точки зрения становления его основных форм, позволяет определить своеобразие изучаемой области явлений, ее отличие от других, то есть раскрыть развивающийся предмет психологии и пути его разработки.

«Ядерную» триаду категорий психологии составляют *образ, действие и мотив*.

---

* Научная психология не имеет возможности строить свой собственный язык иначе, как используя термины из других смысловых контекстов, которые приобретают поэтому однозначно-психологическое содержание лишь в результате аккумуляции признаков, накапливаемых благодаря успехам конкретного исследования собственно психологических закономерностей. Это же относится и к термину «образ». Существует мнение, будто образ является не психологической, а философской категорией. Аналогичное мнение высказывается и в отношении категории личности, которая квалифицируется в качестве социально-исторической. Конечно, всякому термину присущ момент условности, конвенциональности. Однако признание за термином психологического (или любого иного статуса) должно базироваться не на умозрительных, а на реально-научных основаниях, вытекать из действительных успехов позитивного изучения психической реальности. Чем значительнее эти успехи, тем резче демаркационная линия между конкретно-научным (и в частности, психологическим) и любым иным значением терминов. Термины «образ», «действие», «чувство», «личность» и др. возникли и употребляются и во внепсихологических контекстах. Научно-психологическими они стали с тех пор, как, благодаря построению соответствующих конкретно-научных гипотез и концептуальных схем, разработке и применению соответствующих экспериментальных, математических методов, определенные сферы психической деятельности из объекта стали предметом научного знания.

Образ	<p><i>Образ</i> – это воспроизведение внешнего объекта (под объектом следует разуместь не единичную вещь, а любое многообразие ситуаций, картин феноменов действительности в «ткани» психической организации), причем подобное воспроизведение может быть сколь угодно трансформированным сравнительно с тем, что почерпнуто в опыте непосредственных контактов с этой действительностью, иначе говоря – «оторванным» от нее, фантастическим, представляемым в совершенно ничего общего с ней не имеющих вариантах, но тем не менее родственным по своему категориальному статусу с отображаемым при реальных контактах с действительностью. Образ может выступать как в сенсорной, так и в лишенной чувственности форме. Во втором случае перед нами – умственный образ. Образ составляет внутреннее нераздельное единство с другими категориями – действием и мотивом.</p>
Действие	<p><i>Действие</i> – это исходящий от его производителя (субъекта-организма) акт, который изменяет соответственно определенному плану сложившуюся ситуацию.</p>
Мотив	<p><i>Мотив</i> представляет собой побуждение к действию, придающее ему направленность, энергетическую напряженность.</p>
Фундаментальные блоки аппарата познания	<p>Это фундаментальные блоки аппарата познания психической реальности. Они представлены в любой попытке исследовательского ума добыть информацию о ней как особой сфере бытия, иначе говоря – психосфере, если воспользоваться термином Н.Н. Ланге. В нераздельности с другой оболочкой нашей планеты – биосферой возникает и развивается та область жизни, которую принято называть психической или душевной. Знание о ней с древнейших времен оседало в языке, мифологии, религии, искусстве, житейской мудрости, прежде чем приняло форму философско-научных представлений. Отличие этой формы от других – в установке на ее рациональное объяснение. Главным же объяснительным принципом науки является принцип детерминизма. Ибо знание – это знание причин явлений, их закономерной зависимости от порождающих их условий, соответственно адекватных критериям рациональности. Сведения о психике стали сгущаться в понятия, преобразующие категориальный смысл, с укреплением и развитием детерминистского образа мысли. Эта мысль, как уже было отмечено, прошла ряд стадий в своей эволюции. На каждой стадии изменялось содержание категорий. Так, с утверждением механодетерминизма образ понимался</p>

Новые категории –
величайшее
завоевание

как одна из «страстей души», то есть ее страдательное состояние, испытываемое в результате воздействия внешнего раздражителя на «машину тела».

Но с этих позиций детерминистски можно было объяснить только ощущение, чувственное впечатление. Что же касается умственных образов (понятий), то они в пределах этого уровня знаний могли пониматься только индетерминистски. На этом же уровне к «страстям души» относились и простейшие эмоции. Они считались эффектом процессов внутри организма, в отличие от высших чувств (которые также понимались индетерминистски). Единственным возможным способом причинной трактовки действия оказался взгляд на него как на рефлекс. Произвольные же действия в эру господства механицизма относились за счет воли как бестелесного агента. Можно выражать сколь угодно резко неудовлетворенность этими объяснительными схемами, как и этим уровнем развития категориального аппарата психологии. Но нельзя забывать, что они были величайшим завоеванием, без которого не было бы новой эпохи, изменившей характер психологических категорий. Эта эпоха биологического детерминизма изменила весь категориальный строй психологического мышления.

Образ выступил не только как результат внешних влияний, но также как средство, которое «вылавливает» в среде сведения, пригодные для успешного выживания системы.

Действие приобрело характер лабильного и служащего этим же целям. Столь же радикально изменяется и категория мотива. И он рассматривается в контексте активного обслуживания нужд системы, притом не только индивида, но и вида в целом (отсюда учение об инстинктах, об аффектах у человека как рудиментах некогда полезных реакций и т.д.).

Интеллектуально
выстроенные
категории
объективно
и неотвратимо
подчинили себе
работу мысли

Эти интеллектуальные формы, отличавшие новую эпоху от предшествующей, объективно и неотвратимо подчиняли себе работу мысли отдельных деятелей и научных групп. Объяснять их притязания личными ошибками или злой волей так же нельзя (если воспользоваться сравнением Выготского), как Французскую революцию – испорченностью королей. Тем более что наряду с концепциями, которые не выдержали испытания временем и были отвергнуты как ошибочные, новый период в развитии категориального аппарата подготовил обособление психологии в самостоятельную науку. Если на прежнем уровне образующие этот аппарат категории указывали на производность обозначаемых

ими реалий от процессов в физическом мире и биологической среде, то продвижение к новым рубежам означало отныне приобретение этими реалиями (образом, действием, мотивом) самостоятельного причинного значения. Прежде эта причинность могла мыслиться только в качестве исходящей от некоего бестелесного начала, издавна обозначаемого как душа или аналогичная ей, противостоящая внешней природе и телесному организму сущность.

С открытием причинной роли психических реалий категории оказались включенными в единую цепь мироздания

С открытием причинной роли психических реалий (отображенной в категориальном сдвиге, о котором идет речь) они оказались органично включенными в единую цепь явлений мироздания. И как следствие происходящих в нем процессов, и как их причина. При этом важным преобразованием категориального аппарата нашей науки стала вовлеченность в него еще двух категорий.

В категориальном аппарате нарождаются новые категории – отношение и личность

Если указанная выше триада запечатлела своеобразие психической организации всех живых существ, то с переходом к человеку и с детерминистским освоением психики в категориальном аппарате нарождаются еще две категории – отношение и личность. Категория отношения указывала на своеобразие той особой формы психической жизни, которая возникает в *тигле социальных отношений между людьми*.

Личность как интеграл социальных отношений

Личность же представляет собой своего рода интеграл этих отношений, однако не редуцируемый им, а приобретающий уникальность в силу того, что своеобразие каждого индивида (с его свойствами, способностями, привычками, когнитивным стилем и т.п.) персонифицируется в системе ценностей, ставшей для него жизненно значимой и придающей его действиям характер поступков. В этом плане личностное в человеке отграничивается от организменного (поскольку каждый организм уникален) и индивидуального (поскольку в «сетке» социальных отношений в поведении каждого из субъектов существуют различия, которые принято описывать как индивидуальные).

Основные блоки категориального аппарата определяют предметную область психологии

Таковы основные блоки категориального аппарата психологии. Именно они определяют предметную область этой науки безотносительно к тому, какими бы дефинициями ее ни отграничивали от других областей знания на протяжении всего исторического процесса при любых теоретических «разборках».

(Продолжение следует)

